

Преодоление субъектом неопределенности при принятии решений

Т.В. Корнилова

1. Неопределенность как категория философии науки

Формирование нового принципа понимания мира и человека в нем — *принципа неопределенности* — имело истоки и в переосмыслении научных идеалов рациональности в общей методологии науки, и в развитии в рамках психологии проблемы детерминизма-индетерминизма, и в изменениях понимания психологической причинности.

Обращение к категории неопределенности, с одной стороны, учитывает стадии развития наук с точки зрения представленности в них классического и неклассического идеалов рациональности (Мамардашвили, 1984), а также специфики организации научного знания, в том числе и психологического, на стадии постнеклассической (постмодернистской) картины мира (Асмолов, 2002; Степин, 2000; Гусельцева, 2007). С другой стороны, оно оказывается связанным с проблемой *методологических заимствований*, рассмотренных в отношении принципов *дополнительности* и *неопределенности*, сформулированных в первой трети XX в. Именно с этим периодом связывается научная революция, в ходе которой был выдвинут новый — по отношению классической картине мира — неклассический идеал рациональности.

А. Эйнштейн и М. Планк отстаивали единство физической картины мира, допуская *неопределенность* как неполноту его при-

чинного понимания в связи с неполнотой статистических законов, «допущенных» при описании законов микромира. В. Гейзенберг изложил способ описания свойств элементарных частиц, который не предполагал приписывания им пространственной структуры и допускал случайность как субъективную неопределенность (неполноту знаний о мире). Н. Бор и другие представители копенгагенской школы отказались от основополагающего постулата классической картины мира — объективной данности физических структур безотносительно к познающему их субъекту — и «впустили» неопределенность в физический мир. Спор остался незавершенным. Для нас сейчас важно, что возникший в рамках обобщений, полагаемых в построении физической картины мира, принцип неопределенности стал входить в методологические проблемы психологии.

На рубеже XX–XXI вв. в философии науки было обосновано новое понимание принципа *индетерминизма*, положившего «конец определенности» на основе «объективистской интерпретации вероятности» и распространении закона возрастающей энтропии (второго закона термодинамики) на эволюционное описание саморазвивающихся систем в работах нобелевского лауреата И.Р. Пригожина (В 1997 г. в переводе на английский язык вышла работа И. Пригожина «Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы», русское издание осуществлено в 2000 г.)

Неопределенность теперь связывалась с тем, что сдвиг равновесия в неустойчивой системе приводит к тому, что из множества возможностей развития системы реализуется лишь одна. «Сценарий дальнейшего развития системы не может быть вычислен заранее, более того, эволюцию системы можно описывать только в таком пространстве, которое зависит от ее динамики, т.е. это пространство, или ландшафт будущих событий, также образуется в точке неопределенности» (Пригожин, Стингерс, 2000, с. 17).

После работ И. Пригожина обращение к проблематике самоорганизующихся и саморазвивающихся систем стало уже обязательным общим местом в характеристике специфики психологических систем, как и анализ роли постпозитивистской философии, культурологии, изменений в парадигмах естественнонаучного и гуманитарного знания в контексте обосновании постмодернистской картины мира.

Наряду с этим в методологии психологии принцип неопределенности был положен в основу нового понимания *объективности* психологического знания, предполагающего отказ от классического представления о Наблюдателе, не искажающем продуцируемое знание (Зинченко, Мамардашвили, 1977).

Позднее сложился и более широкий контекст принятия принципа неопределенности в психологии — как проблемы переноса в психологию принципов, сформулированных в рамках классических представлений о причинности (Корнилова, Смирнов, 2006). Другим аспектом выступило обоснование возможности построения конкретной психологической теории на основании новых принципов.

Прямые методологические заимствования — минуя анализ обобщенных конструкторов в рамках конкретных психологических теорий — не всегда выполняют эвристическую роль. Они могут вести также к сокрытию реальных проблем, которые стоят перед психологическим исследованием и психологией в целом. Ранее это обсуждалось применительно к использованию в психологии идей системного подхода (Юдин, 1997). Недавно это показано Е. Завершневой на материале дискуссии об изменениях критериев научности в психологии (Психология..., 1993), в ходе которой участники использовали апелляции к новым (неклассическим) канонам естествознания при обосновании множественности психологических парадигм (Завершнева, 2001, 2002). Ею было выявлено, что психологи часто ложно понимают и представляют *принципы неопределенности* и *дополнительности*, сформулированные в квантовой физике. Так, дополнительность ими связывалась с дополнением положений одной теории завоеваниями другой.

В физике микромира неопределенность обсуждалась как *невозможность полного познания объекта*, искажаемого мерностью измерительного устройства и, значит, влиянием познающего субъекта на выявляемые свойства объекта. В рамках физики принцип неопределенности означает количественное соотношение, связующее воздействие измерительного средства на объект измерения, причем в рамках допустимой его величины (так называемая «постоянная Планка») и, допустим, только по отношению к микромиру, но не к классической картине макромира. Принцип же дополнительности раскрывал лишь «двойственную природу вещества», допускающую два разных способа его описания, но не одновременную представ-

ленность их в одном и том же эксперименте. (Здесь речь идет о том, что в разных экспериментах устанавливаются как корпускулярные, так и волновые свойства микрочастиц.) Таким образом, принцип дополнительности, разработанный в физике, нельзя понимать как принцип дополнительности разных теорий, подходов или включения субъекта познания в процедуру измерения и воспроизводства изучаемой реальности, а неопределенность не следует трактовать как меру хаоса.

Психологи скорее подкрепляли свои воззрения собственной же мифологией, а отнюдь не декларируемой опорой на достижения в построении картины мира, конструируемой новейшим естествознанием. *Заимствование принципа неопределенности* как объяснительного принципа в психологии может быть неадекватным без его раскрытия в рамках частной научной методологии, предполагающей построения именно психологических объяснений (при всей разнице в трактовках предмета психологии).

2. Подходы к построению психологических теорий на основе использования принципа неопределенности

Психологами в исследованиях мышления, принятия решений (ПР) и риска было введено различие *объективной* и *субъективной неопределенности* (Тихомиров, 1969; Канеман и др., 2005), преодоления неопределенности как процессов, отражающих *ситуационную* и *личностную* регуляцию выбора (Козелецкий, 1979; Корнилова, 2003), *толерантности–интолерантности к неопределенности* как важнейшей психологической характеристики бытия человека в современном мире (Психодиагностика... , 2008). Это истоки формулирования принципа неопределенности в самих психологических исследованиях, психологическое прочтение которого закономерно вызывает вопрос о том, кто и каким образом преодолевает неопределенность.

Именно недостаточная разработка проблемы субъекта как автора ПР, принимающего ответственность, имела следствием параллельное развитие двух примыкающих к области ПР тем. К первой следует отнести работы, в которых на первый план выдвинуты про-

блемы самодетерминации и саморегуляции человека, существенно углубляющие представления об активности субъекта, до не давнего времени развивавшиеся в отечественной психологии в парадигмах культурно-исторического и деятельностного опосредствования (работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна). Ко второй — разработку проблематики морального выбора, включающей исследования самосознания личности и ориентировку на его ценностные основания (вплоть до появления термина морального интеллекта).

Включение категории субъекта как интегративного начала любых форм активности при *преодолении субъективной неопределенности* позволяет найти место для принципа неопределенности в системе методологических принципов психологии. Принцип субъектности и принцип неопределенности задают новую дихотомию наряду с прежними категориальными дихотомиями внешнего–внутреннего, объективного–субъективного, элементаризма–холизма и т.д. Основами разработки новой методологии исследования принятия интеллектуальных решений стало переосмысление проблем соотношения детерминизма и неопределенности, деятельностного опосредствования и сознания, субъектной регуляции и личностных оснований выбора.

Однако в рамках конкретно-психологических исследований развитие представлений о незаданности структур психологической регуляции ПР происходило до публикации на русском языке работ И. Пригожина (Корнилова, 1997). И введение неопределенности в качестве принципа регуляции процессов ПР на основе функционально-динамических, а не прежних структурных трактовок воспринималось сначала с осторожностью.

А.В. Брушлинским была высказана следующая мысль: в то время как все заняты поиском структур регуляции, в основание работы автора настоящей статьи (Корнилова, 1999) положен прямо противоположный подход: обоснование того, что любой процесс психологической регуляции (в разном соотношении интеллектуальных и личностных компонентов) может выходить на уровень ведущего; до актуал-генеза ПР невозможно устанавливать структуру психологической регуляции выбора; это новая трактовка функционального соподчинения процессов в актах ПР. Он тем самым указывал на действительно основное звено в новом подходе

к построению психологической теории ПР (принцип *открытости* регулятивных систем как конкретизация принципа *неопределенности*), отстаивание которого будет с трудом принято научным сообществом, следующим пока иным принципам построения психологической теории — поиску структур. Как показало последующее десятилетие, психологическое сообщество повернулось в методологических спорах и к этому аспекту принятия изменений в мире психологических теорий (Теория..., 2007).

Однако не рассматривалось соотношение понятий «субъект», «личность» и «лицо, принимающее решение». Субъект как носитель регуляторной функции при анализе ПР — скорее домысливаемая, чем исследуемая, реальность. И обращение к принципу неопределенности позволяет вернуться к этому «заочному» носителю регулятивных иерархий. Вместе с тем необходимо учитывать плюралистичность методологических контекстов освоения принципа неопределенности в психологии, в частности, рассмотрение в качестве ведущей категории субъективного, а не субъекта.

Анализ включения принципа неопределенности в рассмотрение классических вопросов психологии о соотношении субъективного и объективного, внешнего и внутреннего, детерминизма и индетерминизма был проведен В.П. Зинченко, на позиции которого следует специально остановиться, поскольку она отражает рефлексию методологических идей М. Мамардашвили и И. Пригожина.

Обосновывая проблему *объективности субъективного*, он пишет: «Психология, признающая объективность субъективного мира, не требует оправдания в форме признания ее неклассической наукой, тем более, что такая психология не отвергает, а опирается на достижения классической психологии» (Зинченко, 2007, с. 13). Апелляция к классической психологии позволяет автору переставить акценты в другую сторону — *субъективности объективного*, которое реконструируется в научном объяснении как зависимое от избранного *метода* исследования. Зинченко фиксирует проблему маскировки сложности изучаемого предмета превалированием в раскрываемых характеристиках объективного сути метода. И последнее ведет к *редукционизму* (не рассмотренному при резюмировании Жаном Пиаже видов редукционизма в психологии). Отказ от такого — методом заданного — редукционизма, как и завоевание

«непричинного взгляда» на действительность, с указанной опорой на изменения в методологии естественных наук, связанных с работами И. Пригожина, и на философские открытия М. Мамардашвили, — возвращает, по мнению автора, мысль к той ее свободе, которая зажата старым принципом детерминизма.

Житейские реалии неразделенности субъективного и объективного в наших состояниях, обсуждение этого в контексте понимания объективности субъективного А.А. Ухтомским, их представленность в литературных метафорах — все эти аспекты демонстрируются как доводы в пользу необходимости использования заданного концепцией Мамардашвили представления о едином континууме *бытия-сознания*. Кроме отказа от картезианского противопоставления внешнего и внутреннего, методологическим приобретением выступила также идея *избыточности* психологической регуляции, что в терминах А. Бергсона называлось бы множественностью центров индетерминизма, а по В.П. Зинченко — «плодотворным хаосом», выступающим строительным материалом для создания «органов-новообразований индивида».

Если бы эта работа вышла десятилетие назад, ее прочтение подкрепило бы методологические аспекты обоснования неопределенности в исходных положениях развиваемой нами концепции открытой, функционально-уровневой и множественной регуляции ПР. В ряду работ последнего десятилетия она требует корректирующих пояснений.

1. Идея *множественной регуляции* ПР не обязательно должна быть понята как постулирование множественности центров индетерминизма. Индетерминизм может быть соотнесен с уровнем активности для целостного представления о субъекте, который доопределяет ориентиры своих действий и решений. И это будет предполагать также выход в другие объяснительные контексты — культурно-исторической и деятельностной детерминации сознания, *субъективного принятия неопределенности* и преодоления ее посредством *саморегуляции*.

Открытость человека — та ключевая характеристика, которая не позволяет проводить прямые аналогии в возникновении неклассических ситуаций в рамках физики и психологии. Для психологии такой неклассической ситуацией становится, например, изучение регулирующей функции эмоций или структурирующей функции

мотива в мыслительной деятельности (аффект и интеллект разведены в классической психологии по разным «ведомствам» регуляции мысли и действия).

2. Принятие принципа неопределенности как общеметодологического не должно скрывать противоречивые и часто прямо противоположные интерпретационные схемы, вводящие термин неопределенности в психологические объяснения. Приведем пример другой работы, посвященной построению современной теории сознания, включающей также апелляцию к терминологии ПР.

В.М. Аллахвердов вводит эту категорию в механизм сознания, которое принимает решение, что ему осознавать, а что нет. Причем неопределенность задается гипотезами случайного характера («догадок» сознания) и решений. Как и во всех моделях переработки информации, этот процесс постулируется как автоматически протекающий, и вместо обычных — для такой методологической ситуации — регулирующих его «идолов» появляется «протосознание». «Психическая деятельность предназначена для выбора интерпретации результатов автоматической обработки информации и последующей оценки этого выбора» (Аллахвердов, 203, с. 296). Протосознание рассматривается как идеальное познающее устройство, которое по заданному алгоритму, в том числе и случайно, принимает решение о поведении, «а далее объясняет принятое решение неслучайными причинами» (Аллахвердов, 203, с. 301). Причем механизм сознания называется «механизмом мозга, работающего как логический компьютер» (там же). Для объяснения множественности представлений о мире вводится также предположение множества сознаний, каждое из которых осуществляет свой поиск информации и сличение, да еще и разными способами. Снятие неопределенности прямо связывается с поступлением информации и механизмом сличения (обратной связи).

Такая трактовка психологической регуляции — с рассмотренным введением принципа случайности в механизм сознания — полностью соответствует принципам непсихологического объяснения, соотносимого с моделями, построенными на основе компьютерной метафоры. Таким образом, апелляция к неопределенности и в психологической теории может вводить *редукционистскую* линию объяснения, подменяя идею незаданности выбора внешними условиями (и в этом смысле возврат к проблеме индетерминизма решений

и действий) старым представлением об информационном сличении. Его критика проводилась уже сорок лет назад (Тихомиров, 1969), и сейчас мы только отметили, в каких разных методологических направлениях могут идти апелляции по категориям случайности и неопределенности.

В современной концепции сознания, как следует из рассмотренного выше, субъекта может не быть, но место ПР косвенно вводит его, в какие бы «протоодежды» его ни рядили. Допущение протосознания здесь выполняет, по существу, функцию «чистого Я» у Гуссерля. Соотнесение категорий субъекта и Я-языка в философии личности составляет особый предмет изучения (Молчанов, 2007).

3. Саморегуляция при преодолении неопределенности

Ориентация на критерии *открытости* и *сетевого* принципа как в понимании организации психологических знаний, так и психологической регуляции, отказ от противопоставления принципов организации естественнонаучного и гуманитарного знания и ряд других намеченных в философии науки перспектив могли бы выступать основанием оценочного отношения к реализуемым, а не просто декларируемым принципам построения психологических теорий. Роль ценностей в отношении к теории специально рассмотрена А. Юревичем (2008). Они уже не выступают чем-то внешним по отношению к структурам теорий. Но ценностное принятие принципа неопределенности должно подкрепляться его освоением, требующим, в частности, как изменений в понимании проблемы детерминизма-индетерминизма, так и переосмысления других конструктов. Конструкт саморегуляции оказался на сегодняшний день наиболее удобным для «заякоривания» второго полюса принятия неопределенности — полюса ее преодоления (субъектом, являющимся человеком разумным и лично ответственным за осуществляемые выборы).

В отличие от такого стратегического назначения чистого Я как терминологического отражения чистой субъективности — субъективности субъекта (Молчанов, 2007) — Я в саморегуляции — это не допущение, не эмпирическое Я и даже не Я как составляющая самосознания личности. Это единство субъекта, не заданное «объ-

ективной точкой» в сознании, не собственно Я реального опыта (как основы этого единства), а единство интеллектуально-личностного потенциала и его реализации в реальных актах ПР и поведения (включая уровень моральной регуляции).

Уже А. Бергсон писал о том, что кажущийся свободным выбор на самом деле предопределен всем предшествующим личностным развитием человека (1992). Учитывая это, можно сказать, что саморегуляция требует не предположения о Я как ее носителе, а предположения о взаимосвязанности оснований совершенных и будущих актов выбора.

Термин «саморегуляция личности» означал бы фиксацию более узкой области складывающихся смысловых иерархий единства субъекта (ведь о разумности личности в современной психологии вспоминать не принято), как и Я отграничивало бы неосознаваемые его составляющие. В более же широком термине «саморегуляция субъекта» второе слово уже не обязательно, поскольку первое всеобъемлюще охватывает все возможные ее формы. Так понятая *саморегуляция* может выступать в качестве того категориального звена, которое является связующим между принятием принципов единства сознания и деятельности, неопределенности и активности.

Психология ПР оказывается при этом одним из тех полей взаимовлияний научных подходов, в котором предполагается взаимодействие названных принципов. Именно в ситуации выбора из альтернатив, которые не только заданы, но и порождаются субъектом (как смыслы), преодоление неопределенности становится его психологической характеристикой. И саморегуляция фокусирует как термин представления о *множественных и динамически самоорганизующихся иерархиях интеллектуальных и аффективно-смысловых процессов, опосредствующих выбор человека* (а не мозга как вычислительного или логического устройства).

Указание на роль метаконтроля, личностного самоопределения в подготовке и реализации выбора, характеристики ПР как «горячего» процесса (в отличие от «холодных» когниций) — эти и многие другие отличия процессов ПР являются лишь следствием следующей его сущности. В ситуации выбора человек *доопределяет ситуацию неопределенности как субъект* (бытия, деятельности, познания), *реализующий возможности своего интеллектуально-личностного потенциала*.

Обращение к понятию саморегуляция позволяет не рассматривать в качестве биполярных выражения «Я мыслю» и «Мне мыслится». В преодолении субъективной неопределенности на первый план выступает порождающая функция психического образа (при этом отражение и регуляция уже не могут быть противопоставлены друг другу). Неопределенность становится условием самореализации субъекта, который «в условиях определенности» скорее проявляет готовые (сформированные) сценарии решений. Развитие представлений о *саморегуляции* как интегративной характеристике преодоления условий неопределенности субъектом становится значимым модусом психологических исследований ПР.

Признание *множественности* как психологических теорий, так и психологической реальности, стоящей за динамической функционально-уровневой регуляцией выборов субъекта, требует содержательного соотнесения разных подходов к ПР (Корнилова, 2005). В рамках нашей концепции, названной функционально-уровневой, было выдвинуто такое представление о реализации субъектом всего интеллектуально-личностного потенциала, которое предполагает динамически складывающиеся иерархии процессов осознаваемых и неосознаваемых уровней. Функциональное становление *динамических регулятивных систем* — основной предмет изучения ПР при таком подходе. С выделением такой единицы связана принципиальная (онтологическая) неопределенность регулятивных иерархий, понимаемая как незаданность структур, на которые опирается субъект в процессе выбора, а также невозможность разведения отдельно процессуальной регуляции для проявлений личностных и интеллектуальных составляющих или представления верхнего уровня регуляции только как рефлексии (Корнилова, 2007).

Принятие принципа неопределенности позволяет перейти от представлений об открытости регулятивных систем к «вершинному» представлению саморегуляции при ПР. Согласно нашему предположению, *интеллектуально-личностный потенциал* — не «мешок» с опущенными туда ресурсами (мотивационными, когнитивными и пр.). Его психологическое «изображение» должно быть выражено по оси не вниз (в глубину ресурсов), а вверх — в область актуализируемых субъектом *новообразований*, позво-

ляющих оценивать потенциал человека посредством анализа «высоты» достижений на основе состоявшейся регуляции его выборов.

Соотнесение уровней самосознания и мотивационной детерминации в регуляции ПР является, пожалуй, наиболее трудной задачей для психолога, в то время как для самого человека как субъекта своих решений эти составляющие неразделимы и представлены ему в реальности, которую можно назвать *чувством приемлемости* тех или иных альтернатив.

Состоявшееся решение — то, в подготовке которого субъектом была преодолена субъективная неопределенность и множественность источников регуляции состоявшейся активности и интегрирована в ощущение авторства выбора. Но такое функциональное понимание его регуляции позволяет также предполагать, что человек мог что-то недодумать, недосмотреть, недоучесть, недооценить и т.д. Таким образом, принцип открытости систем регуляции ПР включает и фактор риска — как риска недостаточной саморегуляции, риска неиспользования субъектом его интеллектуально-личностного потенциала, риска незавершенности той динамической системы, которая как «функциональный орган» опосредствовала бы акт выбора.

Заключение

Можно спорить о том, где именно зародился принцип неопределенности, который в науке XXI в. стал не менее значимым, чем принцип детерминизма. Можно обсуждать различия в его трактовках в естественнонаучном познании и в психологии. Но нельзя не заметить, что понятие неопределенности, помимо философского значения, приобретает также психологическое. И его освоение требует обращения к проблеме саморегуляции как проявлению субъектности, что позволяет снимать проблему множественности индетерминизма в регуляции ПР.

Уровни психологической регуляции выбора не заданы в характеристиках оцениваемых альтернатив, и от самого субъекта зависит превалирование тех или иных ориентиров и выраженность *новообразований* в актуалгенезе ПР.

Литература

- Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания // *Бергсон А.* Собр. соч. Т. 1. С. 50–155.
- Гусельцева М.С.* Понятие прогресса и модели развития психологической науки // *Методология и история психологии.* 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 107–119.
- Завершинева Е.Ю.* Принципы неопределенности и дополнительности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заимствований // *Вестник Моск-го ун-та. Сер.14. Психология.* 2001. № 4. С. 67–77; 2002. №1. С. 75–80.
- Зинченко В.П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // *Человек в ситуации неопределенности.* М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // *Вопросы философии.* 1977. № 7. С. 109–125.
- Канеман Д., Тверски А.* Варианты неопределенности // *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 582–594.
- Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
- Корнилова Т.В.* О функциональной регуляции принятия интеллектуальных решений // *Психологический журнал.* 1997. Т. 18. № 5. С. 73–84.
- Корнилова Т.В.* Психологическая регуляция принятия интеллектуальных решений: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1999.
- Корнилова Т.В.* Методологические проблемы психологии принятия решений // *Психологический журнал.* 2005. № 1. С. 7–17.
- Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Корнилова Т.В.* Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // *Субъект и личность в психологии саморегуляции* / Под ред. В.И. Моросановой. Ставрополь, 2007. С. 181–194.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.

- Молчанов В.* Опыт и фикции: поток сознания и гипертрофия Я // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / Под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта. М.: Модест Колеров, 2007. С. 41–63.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008.
- Психология и новые идеалы научности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 3–42.
- Степин В.С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
- Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
- Юревич А.В.* Ценностные основания психологической науки // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 21–40.